

УДК 81-2

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

© Урзада Абилкасимовна МУСАБЕКОВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры тюркологии, e-mail: mussabekowa@jandex.kz

Рассмотрено имя собственное, которое включает в себя культурную информацию, являясь отражением этнических и эстетических установок. Данный факт связан с различными периодами социально-культурной жизни, характеризующейся стереотипными представлениями о функции имени в обществе, отражающей события политической или духовной жизни страны. В языковой картине мира сохраняется принцип антропоцентризма и тогда, когда человек сам по себе ничего не значит, тогда избираются другие ценностные ориентиры. Проанализированные антропонимические системы трех больших групп в доисламский и исламский периоды свидетельствуют о способности самосохранения их древнетюркской антропонимической системы с ее семантической структурой и перечнем антропонимов. Одной из причин «долголетия» антропонимии является теснейшая связь с древними этническими традициями, которые отличаются устойчивостью, жизнеспособностью и традиционно-патриархальным сознанием тюркского народа, что проявляется в уважении предков и их имен. Доказывается, что антропонимия дает богатый и уникальный материал для исследования реликтовых словообразовательных моделей, этнической истории. Изучение имен собственных в синхроническом и диахроническом аспектах позволяет перейти от описания частных закономерностей к обобщающим исследованиям антропонимических проблем. Современный подход к изучению языка настолько сложен и серьезен, что объединяет усилия лингвистов, психологов и социологов. Актуальность исследования сопрягается с неугасающим интересом людей к именам: редкое печатное информационное издание обходит стороной эту тему, генеалогические сайты по популярности находятся в Интернете на одном из первых мест, толкования имен и книги о влиянии имен на судьбу входят в число самых востребованных читателем.

Ключевые слова: антропонимическая система; имянаречение; новотюркская эпоха; древнетюркские и кипчакские антропонимы; идентификация.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-206-213

В силу исторически сложившихся предпосылок развитие антропонимов играет огромную роль в жизни тюркского народа. В связи с этим несомненный интерес представляют тюркские антропонимы данного времени. На сегодняшний день ономазиологический аспект имени собственного в большей степени проявляется именно в сфере функционирования языка, поскольку имена собственные появляются в естественно звучащем языке [1]. «Человек сначала должен был научиться обобщать и создавать слова для обозначения общих понятий, а уже потом освоить технику различения однородных явлений, предметов одного и того же класса и научиться давать именованья индивидуальностям» [2, с. 6].

Современная лингвистика определяет язык как сложную знаковую систему [3, с. 169-175; 4, с. 76-80; 5]. Имена собственные являются одной из значимых частей этой системы. Человек проживает с именем всю свою жизнь. Оно представляет собой своеоб-

разное замещение человека, его представитель как в семье, так и в других сферах общения. История тюркских народов чрезвычайно богата и многообразна. На определенных этапах своего исторического развития тюркские племена контактировали с другими этносами, что не могло не отразиться в языке и истории и не оставить заметного следа в культуре народа, в частности, на традициях имятворчества и имянаречения. Изучение имен, бытующих в Казахстане, имеет долгую историю, в ходе которой в научный оборот введен богатейший фактический материал, получивший детальное структурно-системное описание с позиций истории возникновения, семантики, функционирования антропонимов разных типов в разных типах дискурса. Выбор имени является одной из составляющих конструирования личности, в ходе которого преодолеваются ограничения биологического пола; этническая принадлежность также не обязательно манифестирует себя через имя. На наш взгляд, личность

человека и его имя тождественны по отношению друг к другу. Имя, которое человек получает после рождения, сразу же привыкая к нему, на всю жизнь откладывается в его подсознании и становится уникальным идентификационным кодом его личности. Расширяя теорию тождества, мы бы хотели отметить, что в тюркском этносе личное имя носит дополнительную нагрузку. Тюркский народ верит, что при выборе личного имени родители закладывают в своего ребенка энергетическую программу, в которой заложены требования и пожелания, определяющие его будущее. Тождество имени и судьбы человека, а не только его личности, является основополагающим тезисом в тюркской картине мира. Имя собственное включает в себе огромное количество культурной информации, являясь отражателем этнических и эстетических установок, которые установлены в том или ином социуме. Оно связано с различными периодами социально-культурной жизни, характеризующейся стереотипными представлениями о функции имени в обществе, которое отражает события политической или духовной жизни страны. В языковой картине мира сохраняется принцип антропоцентризма и тогда, когда человек сам по себе ничего не значит, когда избираются другие ценностные ориентиры. Имя собственное человека столь широко рассмотрено в разных сферах, что дальнейшее его исследование представляется возможным только с привлечением данных, накопленных языкознанием, философией, социологией, культурологией. Этнический состав тюркских групп в древний период с древнетюркским, древнекипчакским этносами, огузо-кипчакскими племенами, уграми, позднее их тесные контакты с поволжскими татарами, башкирами, бухарцами, казахами, которые значительно повлияли на их именник [6; 7]. Наиболее ранними компонентами являются древнетюркские и кипчакские, болгарско-кипчакские племена. На следующем этапе эволюции антропонимии большое влияние оказали народы, входившие в восточное объединение – тувинцы, якуты, хакасы, монголы. В антропонимии тюркских имен: типа *Чалабай* имеют основу *чала*, *cala*, сохранившуюся в тувинском языке: тувинский глагол *чала* восходит к монгольскому *zala* «посылать», «быть посланным богом», а существи-

тельное имеет значение «пророк», «посланник бога». Наличие антропонимов монгольского происхождения исторически обусловлено, поскольку уже в начале XVII в. значительные массы западных монголов занимали территории по берегам Оби, Иртыша. Культура имянаречения в тюркской семье характеризуется сохранением традиций, свойственных для тюрков конца XIX в. Современная антропонимия – это результат длительной языковой и культурной деятельности людей. Именно поэтому необходимо учитывать их сложный комплексный характер антропонимических исследований и ряд дополнительных лингвистических и экстралингвистических факторов. Антропоним является компонентом лексико-семантической системы языка как сам по себе, так и в составе взаимодействующей с нарицательной лексикой единицы, часто сохраняющей в своем составе основы уже утраченных апеллятивов. Антропонимия дает богатый и уникальный материал для исследования реликтовых словообразовательных моделей, этнической истории. Сегодняшний подход к изучению языка настолько сложен и серьезен, что объединяет усилия лингвистов, психологов и социологов. Актуальность исследования сопрягается с неугасающим интересом людей к именам. В качестве связующего звена всех сторон комплексного рассмотрения места имени в структуре самосознания личности и эволюции антропонимикона мы выдвигаем принцип диалогичности имени. Таким образом, актуальность исследования определяется тем, что в центре внимания находится человек как «творец имен» (термин Ю.Н. Караулова). Обращение к антропонимической системе с позиции человеческого сознания, учет связи речемыслительной деятельности личности с ее внеязыковым окружением позволит вскрыть глубинные процессы динамики антропонимикона тюркских народов. Национальная антропонимика является сложной системой, объединяющей ряд подсистем, строящихся по словообразовательному, смысловому или коммуникативному принципу. В ней выделяются и такие подсистемы, которые слагаются из имен, объединенных сходством или противоположностью значений их основ. В их развитии проявляются определенные мыслительные и языковые закономерности общего характера.

Идеалом всех ономастических исследований является представление всей антропонимической системы полностью, «во всем ее движении от истоков до перспектив. Полностью он неосуществим, но к нему можно приблизиться, с одной стороны, накладывая один на другой синхронические срезы, а с другой – связывая диахронически прослеживаемые изменения тех или иных антропонимических явлений». Действительно, имея разные предметы исследования в пределах одного объекта, синхронный и диахронный анализы «дополняют друг друга и открывают возможность увидеть и «сиюминутную» жизнь языка, и его жизнь во времени». Основополагающим является замечание В.А. Никонова: «Только в перспективе времени и пространства видна динамика имен: одни тенденции генеральны, определяющие, другие – второстепенны и подчинены, а некоторые направлены против течения» [8, с. 26]. Новым в именнике народа является не только появление имен, которых до этого не было, а смена частотности прежних имен. Анализ исторических данных способствует лучшему пониманию антропонимической системы, поскольку она является итогом длительного развития. Наличие исторически сложившегося и продолжающегося развиваться корпуса антропонимов, с одной стороны, и возможность рефлексировать над именем, выбирать его для новорожденного, а затем варьировать его именование, с другой, определяют ракурс рассмотрения антропонимов как существующих «вне человека» и «в человеке». Но лишь в последние годы антропонимы стали рассматриваться с точки зрения выявления фактического восприятия имени членом конкретного лингвокультурного сообщества. Семантика именовании почти не зависит от различий языков. Мужские имена, означающие пожелание силы, смелости, ловкости, власти, обычны у большинства народов. Имя-пожелание *Тумэр* (монг.-бур. *тумэр* 'железо') встречается во многих формантных именах монгольских ханов: *Улзытэ Тумэрхаан*, *Есунтумэрхаан*, *Туб Тумэрхаан*, *Тугэс Тумэр Усгалхаан* и др. На данный момент многие из упомянутых антропонимов функционируют в именниках тюркских народов, что объясняется либо генетической близостью древних племен, либо длительным контактированием, что, возможно, обу-

славливает общность антропонимической лексики. Расшифровываются родовые названия либо тотемного характера тюрк. *Кубдут* 'панцирники', тюрк. *худай* 'божество', тюрк. *албин* 'собака' (монг.-бур. *Галзут* 'яростные, бешеные собаки', монг.-бур. *шарайт* 'рыжие собаки', монг.-бур. *Бодонгут* 'дикие кабаны'), либо топонимического (тюрк. *хуасай* 'жители светлой равнины', тюрк. Харгана 'жители места, богатого караганником'). Изучив их антропонимические системы, можно выделить три пласта антропонимов. Первый пласт – это имена, унаследованные от древнетюркских и средневековых кипчакских этнонимов и антропонимов. Второй пласт – это имена исламского периода, получившие развитие в новотюркскую эпоху. Третий пласт имен – это имена, заимствованные из антропонимиконных контактировавших народов. На разных этапах эволюции общества функционировала своя антропонимическая система. Имена создаются на базе языка. Так, на базе древнетюркского языка существовала древнетюркская, древнекипчакская антропонимическая системы. Формирование и развитие антропонимической системы связано с культурными традициями тюрков, кипчаков, болгар, уйгуров, карлуков. Родоплеменные названия, этноантропонимы тюрков позволили определить язык-основу антропонимических систем. В среднетюркский период (X–XV вв.) происходит слияние племен и родов, что ведет к формированию единой духовной и материальной культур и что явилось причиной функционирования в именнике тюркских антропонимов различного происхождения. Тюркоизация и принятие ислама золотоордынцами тоже значительно повлияли на антропосистему тюрков. Можно разделить среднетюркский период на три хронологических этапа: болгарский этап (X–XIII вв.) как предзолотоордынский период, золотоордынский этап (XIII–XV вв.) и позднезолотоордынский этап или татарско-ханский период (середина XV – XVI вв.). Именник тюрков в данный период характеризуется наличием антропонимов общетюркского и арабского происхождения. Проникновение мусульманских имен происходило несколько столетий. Причиной тому является противостояние местного язычества новой религии. Прибытие мусульманских вероучителей можно датировать первой половиной XV в. На основе ис-

торических документов он констатирует «о знакомстве с исламом населения бассейна р. Иртыша и до времени правления хана Мухаммеда Шейбани. Естественно, это «знакомство с исламом» было насильственным. Ишан Багаутдин поручил своим шейхам «учинить... великую войну за веру» с татарами, «не имевшими истинной веры и истинных понятий и поклонявшимся куклам». Во второй половине XVI в. – в период правления хана Кучума – Сибирское ханство уже предстает как мусульманское государство. В течение XV–XVI вв. наблюдаются волны исламизации населения данного ареала, но тем не менее среди некоторых групп исламизированность остается неясной вплоть до XVIII в. Многие ученые придерживаются мнения, что ислам тайно распространялся муллами только в 1720 г., в середине XVIII в. большая часть их еще не восприняла ислам, и окончательно он утвердился в первой половине XIX в. Что касается глубины проникновения ислама в народные массы, то исследование антропонимической системы тюрков дает следующую картину: ислам первыми приняли татары (середина XVIII в.), тобольские и тюменские татары – к концу XVIII в., барабинцы – в начале XIX в. В данном случае принятие ислама происходило осознанно, нарекать ребенка мусульманскими именами могли родители, которые хорошо усвоили ислам и следовали учению Корана. Действительно, несмотря на достаточно раннее начало исламизации тюрков, оно не могло окончательно доисламизироваться, пережитки языческой веры остаются и в настоящее время.

Таким образом, можно выделить следующие этапы исламизации тюрков: I этап: середина XV – XVI вв. – первые волны исламизации, «знакомство» с исламом носило *принудительный характер* со стороны ишанов, шейхов, правоверных мусульман Востока; II этап: XVII – середина XVIII в. – *усвоение ислама*, распространение его относительно *мирным путем*. Об этом свидетельствуют мусульманские начальные школы при мечетях и средние школы, а также мусульманская или арабская культура под общим названием «восточная» культура; III этап: середина XVIII – XIX в. – происходит *естественная исламизация* населения. Мощным толчком принятия мусульманской веры явилась в первой четверти XVIII в. насильствен-

ная христианизация тюрко-татарского населения [9–11]. Проанализированные антропонимические системы трех больших групп в доисламский и исламский периоды свидетельствуют о способности самосохранения их древнетюркской антропонимической системы с ее семантической структурой и перечнем антропонимов. Одной из причин «долголетия» антропонимии является теснейшая связь с древними этническими традициями, которые отличаются устойчивостью, жизнеспособностью и традиционнопатриархальным сознанием тюркского народа, которое проявляется в уважении предков и их имен. Все это проявилось в процессах онимизации апеллятивов в личные имена. Пратюркская антропонимическая система стала складываться в то время, когда древние тюрки придерживались языческих воззрений и верований.

Второй причиной сохранности антропонимов является их связь с исконными наименованиями объектов природы: а) небесных тел (Ай, Кояш, Нур); б) названиями металлов и минералов (Алтын, Таш, Тимер, Чуерташ); в) кличками и названиями животных (Арслан, Кармышак, Кочек, Кучкар); г) словесными обозначениями орудий труда (Балта, Булат, Сабан Урак); д) обозначением социальных и семейных отношений (Абышка, Бай, Мурза); е) глаголами состояния, желания (Кил, Калсын, Торсын, Туктасын, Улмэс, Яшасен); ж) цветовой лексикой (Аккош, Карабай, Карабаш, Сарыбай). Таким образом, первопричиной стабильности традиций антропонимической системы тюркского народа являются тесные и широкие связи тюркских антропонимов с апеллятивной лексикой, включая существительные, прилагательные, числительные, глаголы. Следует выделить выявление фонетических показателей, структурных антропомоделей и словообразовательных средств, применяемых при образовании личных имен. В этой связи можно отметить, что фонетический состав онимов отражает особенности наречий, диалектов и говоров, которые описаны в тюркской диалектологии. Тот или иной диалект наречия генетически восходит к своему родовому (племенному) говору. *Татары* сохранили в древнем именнике, главным образом, кипчакские черты, а также огузские, карлукские. *Барабинское наречие*, вероятно, по происхо-

ждению является древнетюркско-кипчакско-булгарским и отражает черты, схожие с наречиями уйгуров, карлуков. Естественно, системы древних родовых и племенных диалектов в процессе своего развития приобретали новации благодаря внешним причинам – воздействию соседних языков. Для сравнения вокализма в звуковой оболочке антропонимов, имевших родовое и племенное происхождение в группах с исконно фонологической структурой тюркских языков, в центре гласных фонем оказались имена рассматриваемых групп, а на периферии – фонемы, отсутствующие в других группах. В этой связи можно сделать следующие выводы: структура вокализма в антропонимах трех групп в основных чертах сохранилась, а обнаруженные отклонения не изменили фонологическую структуру и не внесли в вокализм изменений. *Чередование консонантов* в антропонимах при сравнении с системой согласных фонем в тюркских языках обнаруживается в начальных и конечных позициях согласных. В центре схемы оказались аналогии *п/б* (передние, губные, чистые, смычные), *т/д* (средние, переднеязычные, зубноальвеолярные, смычные), *к/г* (заднеязычные, мягконебные, смычные), *ц/ч* (средние, переднеязычные, зубноальвеолярные), вместо *х/г* в тюркских языках – *х/к* в именниках трех групп татар [3]. В алтайскую эпоху завершилось выделение тюркских племен, для языков которых было характерно наличие фонем *з/ш/с*. Таким образом, при сравнении отдельных фактов языка необходимо учитывать все трудности установления генеалогических связей и сложность определения степени родства, а в связи с этим и сложность относительной датировки того или иного фонетического, лексического и грамматического явления или процесса. Проанализировав фонетико-морфологическую структуру наиболее ранних по происхождению антропонимов, можно констатировать, что в их составе выделяются два главных разряда личных имен: *простые и сложные антропонимы*, представляющие собой именные или глагольные основы. *Простые* по своей морфемной структуре антропонимы в свою очередь подразделяются на *простые производные* (безаффиксные) и *простые производные* (аффиксальные) *антропонимы*. *Простые производные* (безаффиксные) антропони-

мы – это апеллятивные собственные имена, не поддающиеся дальнейшему морфологическому членению, т. е. антропонимы, образованные от корневых непроезженных основ. Простые производные антропонимы являются в тюркских именниках наиболее древними, т. к. связаны с родоплеменной эпохой развития общества: Алаша 'кляча', Чура 'раб', 'невольник'. Это собственные имена, возникшие на основе имен существительных, прилагательных и числительных. Простые производные личные имена составляют большинство номинативных единиц в их сравнении с простыми производными (аффиксальными) антропонимами. Это, вероятно, связано с удобством использования антропонимов в повседневной жизни, что и стимулирует высокую продуктивность данного разряда антропонимов. При подсчете простых и сложных антропонимов выявилось, что безаффиксные номинативные знаки имеют преимущество в древней антропонимической системе. К *простым производным* антропонимам относятся следующие имена: Ацык 'открытый', Бакыр 'медь', Балта 'топор', Буляк / Пуляк 'подарок', Егет 'парень', 'джигит', Кече 'младший', Кочек 'щенок', Кучкар 'баран-производитель', Кубяк (древ.-булг.) 'собака', Кунак 'гость', Сабыр 'терпеливый', Тимер 'железо', Урман 'лес', Урак 'серп'.

Общественно-политическая жизнь страны не оказала достаточно глубокого влияния на традиционный жизненный уклад тюркского народа, в частности, на такое явление, как выбор имени. Имена, заимствованные из арабского и персидского языков, за триста с лишним лет прочно и органично вошли в лексический состав тюркского языка. Историзм имен собственных безусловен, потому как во многих случаях именно онимическая лексика сохраняет следы исчезнувших слов, которые не употребляются в настоящее время. Описание исторического аспекта номинации представляет большой интерес в изучении мотивов имянаречения. 20–30-е гг. прошлого столетия – время смены политической и идеологической ориентаций – характеризуются созданием имен-неологизмов. Достаточно вспомнить такие имена, как Владимир (Владимир Ленин), Гертруда (герой труда), Изольда (из льда), Ким, Май, Майя, Молот, Мэлс, Октябриня, Рената (револю-

ция, наука, труд), Сталина, Трактор, бур. Хубисхал 'революция' и др. В процессе социализации люди усваивают систему имен в совокупности их социолингвистических и психологических импликаций как часть культуры, имя выступает как социальный знак. Наличие фонда личных имен подразумевает устойчивые стереотипы коллективной оценочности, нормативные символы социоэтнической идентификации. Стереотипы имени, парадигмы образов сознания, понимаемые как способы восприятия имени, обеспечивают постоянство этого восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определенным этносом. Научным инструментом, позволяющим учесть сложную игру факторов, значимых для интерпретации комплекса закодированных разными способами сведений, может стать трактовка в формате оппозиции «свой» / «чужой», образующей когнитивную рамку восприятия именованного индивида. «Свой» характер имени закрепляется традицией. «Другое», «необычное» вытаскивает из удобного, привычного стереотипного восприятия человека через его именование, таким образом заставляя менять что-то в себе. Основанием этого процесса является прогностический характер имени: знакомое ведет к привычным образам и ассоциациям. Выбор имени опосредуется историческим контекстом, культурными пристрастиями членов семьи. Выражая через имя свою волю, имядатель выступает как творец, который при помощи имени программирует судьбу новорожденного, предоставляет ему покровителя из числа предков или из известных личностей или из каких-либо положительных сил; в имени закрепляются памятные места, явления, события. Так, имя выступает транслятором семейных и / или личностных ценностей. Но больше всего тюркских элементов наблюдается в составе личных имен у найманов и керейтов, у которых большое влияние древнетюркской культуры, особенно через религию. В «Сокровенном сказании...» зафиксированы, например, такие личные имена найманов и керейтов, как *Алтун-Аишук* (из др.-тюрк. алтунашук 'золотая лодыжка' или алтунашук 'золотой шлем'), *Кучулук-хан* (из др.-тюрк. кюч-люг 'сильный, могущественный'), *Йеди-Тублук* (из др.-тюрк. йедитуглук 'семизнаменный'), *Инанча-Бильгекан* (из др.-тюрк. Ынанчубилгекан, ср.:

древнетюркские личные имена *Билге-Каган*, *Кюлбилге хан*, *Ынанчубилге*, *Ынанчу чур*; здесь *ынанчу* – от др.-тюрк. ынанч 'вера, доверие; доверенный' – употребляется и как титул, восходит к др.-тюрк. ынан – 'верить, доверять'; билге – это др.-тюрк. 'мудрый' – от др.-тюрк. бил – 'знать; уметь'), *Сангум* (из др.-тюрк. сангун – воинский титул), *Элькутур* (здесь два древ.-тюрк. слова: эль и кутур, при этом эль – 'племенной союз, народ' часто встречается в составе древнетюркских личных имен, например, *Эль Буга*, *Эль Тэмюр*, *Эль Чур*, а *кутур* является фонетическим вариантом древнетюркское *кутуз* и тоже означает 'буйный, бешеный'), *Гучугудун-Буйрук-кан*, *Буйрук-кан*, *Курча-кус-Буйрук-кан* (здесь компонент *Буйрук* восходит к древнетюркскому *уйрук*, *буйрук* – 'приказной', употребляющемуся также и как титул, название должности; от древнетюркского буйу – 'приказывать'). *Олукйасун* 'мертвые кости' – от тюркского. Ср. др.-тюрк. оеуе 'мертвый' от др.-тюрк. ое – 'умирать'. Имеет компонент *орук*, который можно возвести к др.-тюрк. орук – 'дорога, путь'. В современных тюркских языках слово орук, орок – 'дорога' имеет, как и лексема йол, еще и значение 'полоса' (обычно темная на светлом фоне). Таким образом, тюркизм хорошо объясняет значение выражения *орокшинкула* как 'белый конь с черной полосой на спине'; *утураку* 'идти впереди всех' – от др.-тюрк. утуру, утру, утра – 'напротив, навстречу'. Ср.: др.-тюрк. утрын-, утрун – 'противиться, противодействовать'. Об этом тюркском слове учумак – название типа стрелы, может быть, происходит от тюрк. уч – 'летать', лететь'. В тюркском слове карши 'дворец' ноуукукарши 'походный дворец' – от др.-тюрк. каршы – 'дворец'; коастанокит 'прекрасные девицы' – от тюрк. тув. каас – 'нарядный', хакас, хоос – 'рисунок, узор', чул.-тюрк. коос, куас – 'красивый', тоф. каас – 'рисунок, узор; украшение', каастыг – 'нарядный, красивый; разукрашенный'; кош – 'жилище, дом', кошилик – 'палатка, запасная юрта' – от тюркского; кирг. кош – 'запасная юрта; кочевой лагерь', туркм. гош – 'полевой стан', чагат. кош – 'кочевой лагерь', др.-тюрк. кош 'запасной'. Из современных монгольских языков это слово представлено в калмыцком, где оно существует в форме хош, имеет значение 'временная стоянка; полевой табор', а также 'вторая юрта (при главной)'. Это слово

в тюркских языках тэрмэ 'праздничный шатер'. Ср.: башк. тирмэ, ног. терме уый, тув. тербеог – 'войлочная юрта', кирг., каз. терме, узб. терма – 'сборный': в основе всех этих слов лежит тюркское тер – 'собирать'. Калмыцкий термин терм 'стенная решетка кибитки' восходит к тюрк. терме, образованному от тюрк. тер, монг – 'огорчение' – от др.-тюрк. мунг – 'страдание, горе, тягота, нужда, забота'; чака – 'дитя' – от тюркского. Ср.: тур. чака, башк. сага, тат. чага, кирг. чака, каз. шага – 'ребенок', х.-монг. цах 'младенец'.

Таким образом, определение места имени в структуре человеческой личности, в изменчивой исторической системе именования зависит от мотивов наречения.

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
2. *Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
3. *Щербак А.С.* Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 10 (78).
4. *Щербак А.С.* Когнитивный подход к изучению ономастики // Проблемы науки и образования в условиях мировой глобализации: труды 7 Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Южно-Казахстанского гуманитарного университета им. М. Сапарбаева. Шымкент, 2015. Т. 2.
5. *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
6. *Джанузаков Т.Д.* Очерк казахской ономастики. Алма-Ата, 1982.
7. *Махпиров В.У.* Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). Алма-Ата, 1997.
8. *Никонов В.А.* Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1989.
9. *Redmonds G.* Christian Names in Local and Family History. Toronto, 2004.

10. *Penkethman J.* Onomastophylacium: or the Christian Names of Men and Women now used within this Realm of Great Britaine, alphabetically expressed as well in Latine as in English. L., 1626.
11. *Hanks P., Hardcastle K., Hodges F.* A Dictionary of First Names. Oxford, 2006.

1. *Superanskaya A.B.* Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M., 1973.
2. *Matveev A.K.* Onomatologiya. M., 2006.
3. *Shcherbak A.S.* Osnovnye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noy kontseptosfery) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 10 (78).
4. *Shcherbak A.S.* Kognitivnyy podkhod k izucheniyu onomastiki // Problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh mirovoy globalizatsii: trudy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Yuzhno-Kazakhstanskogo gumanitarnogo universiteta im. M. Saparbaeva. Shymkent, 2015. T. 2.
5. *Nikonov V.A.* Imya i obshchestvo. M., 1974.
6. *Dzhanuzakov T.D.* Ocherk kazakhskoy onomastiki. Alma-Ata, 1982.
7. *Makhipirov V.U.* Imena dalekikh predkov (istochniki formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya drevnetyurkskoy onomastiki). Alma-Ata, 1997.
8. *Nikonov V.A.* Sistemy lichnykh imen // Sistemy lichnykh imen u narodov mira. M., 1989.
9. *Redmonds G.* Christian Names in Local and Family History. Toronto, 2004.
10. *Penkethman J.* Onomastophylacium: or the Christian Names of Men and Women now used within this Realm of Great Britaine, alphabetically expressed as well in Latine as in English. L., 1626.
11. *Hanks P., Hardcastle K., Hodges F.* A Dictionary of First Names. Oxford, 2006.

Поступила в редакцию 11.08.2015 г.

UDC 81-2

ABOUT SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT OF ANTHROPNYMIC SYSTEM OF TURKIC LANGUAGE

Urzada Abilkasimovna MUSABEKOVA, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology, Associate Professor of Turkic Studies Department, e-mail: mussabekowa@jandex.kz

The proper name, which contains a huge amount of cultural information, as a reflector of ethnic and esthetic installations is considered. It is associated with various periods of social and cultural life, characterized by stereotypes about the function of name in a society which represent the events of a political or spiritual life. Generally in the world the principles of anthropocentrism were preserved and when the person in itself does not mean anything, when elected by other valuations. Three large groups in the pre-Islamic and Islamic periods demonstrate the ability of self-preservation of their ancient Turkic anthroponymic system with its semantic structure and anthroponym. One reason for the "longevity" anthroponym is a keeping up the ancient ethnic traditions, which are resistance, viable and traditional patriarchal consciousness of the Turkish people, which manifests in respect of their ancestors and their names. Anthroponyms give a rich and unique material for studying the primordial word-formation models, ethnic history. The study of proper names in synchronic and diachronic parts allows to move from the description of particular laws to general research of anthroponymic problems. Today's approach to study of language is so complicated and serious that unites the efforts of linguists, psychologists and sociologists. The relevance of the research interfaces with undying interest to the names of people: printed information publication bypasses do not lose a chance, genealogical sites are popular on the Internet and get one of the first places.

Key words: anthroponymic system; naming; new-Turkic epoch; ancient Turkic and Kipchak anthroponyms; identification.

DOI: 10.20310/1810-0201-2015-20-10-206-213